

Народный домъ.

„Чудакъ“ М. Горькаго.

Спектакль третьяго дня, на которомъ шла пьеса Горькаго, если чѣмъ удивилъ, то подвижностью антрепризы. Пьеса Горькаго только что появилась, только что отпечатана, а мы уже смотрѣли ее въ Народномъ домѣ. Увы, только смотрѣли, но не восхищались ею, потому что новая пьеса М. Горькаго опять неудачна. Для большинства публики она осталась совсѣмъ непонятной, во всякомъ случаѣ это большинство понимало ее совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлось автору.

На сценѣ крупный писатель, поэтъ, который живетъ, какъ во снѣ, внѣ условій времени и пространства. Онъ измѣняетъ женѣ, онъ на каждомъ шагу объясняется женщинамъ въ любви, но жена со всѣмъ этимъ мирится, потому что въ душѣ онъ всегда остается чистъ и безгрѣшенъ; все это лишь грезы его. Пусть онъ измѣняетъ ей, это не пріятно лишь для нея, но это даетъ міру новые перлы поэзіи.

Такъ говорить жена, такъ говорить ее устами авторъ, но зритель этого не видитъ. Авторъ не сумѣлъ внушить ему это, и зрителю герой пьесы М. Горькаго кажется не поэтомъ, а эротоманомъ, особенно въ той сценѣ, когда онъ, только что измѣнивъ женѣ съ одной женщиной, объясняется въ любви другой, у которой умеръ и еще не похороненъ мужъ. Поэтъ съ такими пустяками не считается и грезить на яву, а когда его ловятъ на этомъ, то обижается.

И въ результатѣ, вмѣсто по тенія къ поэту публика лишь смѣется надъ его продѣлками и скорѣе сочувствуетъ не женѣ, которая съ этимъ мирится, а любовницѣ, которая противъ этого протестуетъ. Можетъ быть, въ этомъ было виновато и исполненіе. Г. Арматовъ-Ризъ, очевидно, потерялся, какъ ему изображать поэта, вѣчно объясняющагося въ любви, и придалъ ему рѣшительно комическій оттѣнокъ, при которомъ тѣмъ ченѣе вѣрилось въ его значеніе, какъ поэта.

Есть въ пьесѣ, впрочемъ, умныя мысли, въкоторыя интересныя положенія, напр. объясненіе жены съ любовницей. Г-жа Бартлевичъ, исполнявшая роль жены, взяла вѣрный тонъ, но была не достаточно ярка, что еще больше можно сказать о другихъ исполнителяхъ. Особенно это приходится сказать про г-жу Мол ацкую въ роли Ольги. Въ ее исполненіи Ольга вышла столь непривлекательной, что, глядя на нее, казалось, что въ данномъ-то случаѣ поэтъ несомнѣнно грезилъ. Лучше другихъ были гг. Боровитиновъ (старикъ Потѣхинъ), г. Бороловъ (Самоквасовъ) и г-жа Перовская (Зина). Недуренъ былъ и г. Сафонъ, но мѣстами слишкомъ форсировалъ тонъ и такъ заприщивался, что смотрѣть было непріятно. Лобъ у него словно былъ заклеенъ розовымъ пластыремъ.

Главный недостатокъ исполненія, зависѣвшій и отъ недостатковъ пьесы,—это тотъ, что всѣ дѣйствующія лица казались мало интересны, словно толкались на сценѣ для того, чтобы она не оставалась пустой. Больше подумавъ надъ пьесой, поработавъ надъ ролями, можно бы сдѣлать изъ нея кое-что болѣе интересное, особенно могла бы г-жа Бартлевичъ, у которой для этого есть данныя, и они проступали и теперь.

Во всякомъ случаѣ, даже при очень хорошемъ исполненіи, новая пьеса не прибавитъ славы Горькому.

А. У.